

ПОГРУЖАЯСЬ В МИР СКАЗКИ...

ТЕАТР

Диалог: корреспондент «Звезды» А. Д. Черкасов — главный режиссер Ленинградского академического театра комедии В. С. Голиков.

Корреспондент. Вадим Сергеевич, нам хотелось сегодня побеседовать с вами о спектакле, которым театр открыл гастролы в нашем городе, — о спектакле «Тень» — по сказке Евгения Шварца.

Главный режиссер. Сказать, что я готов к этому диалогу, было бы не совсем верно: дело в том, что постановщик спектакля — не я. «Тень» поставил в свое время на сцене театра и оформил Николай Павлович Акимов, и я, естественно, едва ли смогу подробно поведать вас в творческие замыслы, которые стремился воплотить в спектакле большой режиссер и талантливый художник, безвременно покинувший нас.

Корреспондент. Хотелось бы знать прежде всего: почему именно «Тень» начал театр свои гастролы. И, может быть, очень коротко — о самой биографии спектакля.

Главный режиссер. «Тень» для нас, как говорил Николай Павлович Акимов, — это то же, что чеховская «Чайка» для МХАТа, — всегда все гастролы мы начинаем этой философской сказкой Евгения Шварца, которого наш театр открыл для себя как драматурга. «Тень» стала первой постановкой пьесы Е. Шварца в театре. Второй вариант ее поставлен на нашей сцене Николаем Павловичем Акимовым перед началом 60-х годов и пережил не одну сотню встреч со зрителем. Открытие гастролей в Перми стало 290-м спектаклем «Тени». Стоит ли подчеркивать, как дорога коллективу эта его работа.

Корреспондент. Наверно, — и самой темой, самой идеей своей эта сказка близка театру?

Главный режиссер. Безусловно. Извечная тема борьбы Добра и Зла, идея утверждения Добра воинствующего, сражающегося и отрицания Добра беспомощного, бесхребетного особенно близка нашему театру. Сказка Шварца, полная неожиданных поворотов мысли, блестящих парадоксов, великолепно «вписывается» в важнейшую из традиций театра — разрабатывать жанр глубоко и серьезно. Общеизвестно, что сфера комического гораздо шире сферы смешного. Истинно комическое — обязательно глубокое, обязательно насыщено мыслью и невозможно без главного — без искусства парадокса. Шварцовская «Тень» на редкость богата всем этим. А главное достоинство ее в том, что в ней живое движение мыслей, мыслей, — не просто глубоких и умных, но и очень дорогих человечеству. Задача театра — образно, ярко донести их до сознания людей. Предстояло выбрать единственный из возможных способов высказывания этих мыслей...

Корреспондент. Мне представляется, что постановщик блестяще нашел этот способ, позволяющий «впустить» зрителя в мир-перевертыш, мир, повернутый наизнанку, в точности соответствующий духу шварцовской сказки. И подчеркивает это всякой деталью. Вот хотя бы в декорации второго акта — Атлант поддерживает балкон... пятками!

Главный режиссер. А помните начало. Ученый потерял очки — и все в комнате кажется ему сказочным. Кажется... А едва надел очки, кажушееся оборачивается самой действительностью. Сценическим решением режиссер образно подчеркнул этот блестящий драматургический прием, и мир-перевертыш предстает перед вами как сама реальность.

Корреспондент. Реальность сказки... Знаете, это интерес-

но звучит. Реальность сказки, реальность символа...

Главный режиссер. Ничего удивительного. И это потому, что философское, социальное острое сказки Шварца обращено в самую суть современного мира, раздираемого социальными противоречиями.

Корреспондент. Давайте вернемся к этой сути. Евгений Шварц написал свою сказку еще до того, как началась вторая мировая война, но когда коричневая чума фашизма уже затопляла Европу, когда очевидной становилась неизбежность смертельной схватки Добра и Зла. Не абстрактных, а живых конкретных социальных адрес. Причем, Зло — фашизм — рождалось в стране, отнюдь не лишенной добрых людей...

Главный режиссер. Философская суть сказки в том и состоит, что драматург стремится проникнуть в самую природу Зла, порожденного аморфным, бесхребетным Добром, проникнуть в сложнейшую диалектику понятия — Добро. Вспомните: добрый Ученый, стремящийся сделать людей счастливыми, охваченный любовью к Принцессе, отпускает свою тень — объясняется вместо себя предмету своей любви. Тень, получившая самостоятельность, и Добро, лишенное тени — теперь рафинированное Добро — разделены. Разрушено диалектическое единство вещей. Вот ситуация, в которой разворачиваются события. Вы помните, к какому финалу едва не пришла Ученый: по приказу Тени, взойшедшей на королевский престол, ему отрубает голову. Только потому, что сразу же оказалась обезглавленной и Тень, Ученому силой Живой воды возвращают жизнь.

Корреспондент. Из всего этого вывод: Тень должна иметь хозяина, и уж это его забота — чтобы она не «вырастала» поднимаясь до верхних этажей, чтобы послушно лежала у ног.

Главный режиссер. Вот именно. Иначе тень Добра, возвысившись над миром, став Злом, самое Добро захочет сделать своей тенью, перевернуть мир, как и перевернут он в сказке. Но разве такое перевертывание понятий не в самой природе капиталистического мира, страшным порождением которого стал фашизм. Вспомните: национал-социализм... Социализм, понятие, дорогое человечеству, здесь «пришито» к Тени; Добро, покорно вытянулось у ног Зла. А возьмите современную буржуазную демократию... Тот же мир-перевертыш, где все — наизнанку, где жесточайшие пороки выдаются чуть не за вершину добродетели, где гуманные достижения века, мира социализма преподносятся, как чуть ли не всечеловеческая беда, где нравственное растление личности — обычнейшее и массовое

явление... Да если даже не касаться Зла в его социальном аспекте, даже в нашей повседневной жизни мы тоже сталкиваемся с теневыми ее сторонами, со злом, непримиримо боремся с ним — ведь и к этому тоже зовет своей постановкой театр.

Корреспондент. Мне представляется, что театр, создав этот спектакль, сделал важное дело: он помогает философски осмыслить сущность века. Мне показывают маленькую страну, где каждый день случается то, что рассказывают в сказках, а я за нею вижу сегодняшний мир — мир за пределами нашей страны, за пределами социалистических государств, в котором смешены истинные понятия Добра и Зла, как смешены они в сказке. Талантливая игра актеров позволяет мне целю воспринять и главную идею спектакля, и другие его аспекты, позволяющие увидеть все «оттенки» мира-перевертыша.

Мне представляется блестящей работа артиста Л. Милиндера. Его Тень — действительно страшное порождение рафинированного Добра. Актеру, на мой взгляд, удалось и философская, и психологическая стороны образа, и его сложное пластическое решение. Стоит вспомнить, как после приказа Ученого — «Тень! Знай свое место» — Тень старается войти в точную ритмику движений хозяина и... не может. Тень познала свободу и на место водворить ее трудно. Наверно, в целом, получился у артиста Г. Воропаева образ ученого. И в то же время хотелось бы большей убедительности в кульминационной точке развития образа — когда он, идя на казнь, осознает главное — и свою ошибку, и то, что борьба против Зла потому и борьба,

что может позвать даже на смерть.

Великолепный образ, по-моему, создает народный артист РСФСР А. Бениаминов. Его министр финансов — злейший гротеск на ту силу, которая правит умами Запада — одряхлевшую, но не сдающуюся и страшную силу капитала. По-моему, этот образ решен на пределе творческой выдумки. Убедителен образ доктора (заслуженный артист РСФСР А. Савостьянов), олицетворяющий те слои западной интеллигенции, благодаря «нейтралитету» которых и прорываются тени к власти и могуществу. Запоминается интереснейшая работа народного артиста РСФСР, заслуженного артиста Таджикской ССР П. Суханова, — образ Пьетро. «Бывший людоед» из сказки, работающий оценщиком в городском ломбарде, он вызывает мысль о той мимикрии Зла, которая так характерна для современного Запада. О той же мимикрии заставляет думать и образ палача (И. Волков), которого «любимый скворец» называет паной.

Очень важен, думается, в спектакле образ певицы Юлии Джули в хорошем профессиональном исполнении актрисы А. Прохоровой. Близорукость ее героини ассоциируется с политической и идейной близорукостью той части творческой интеллигенции Запада, которая (подобно тому же доктору) замыкается в кругу своих частных интересов, работая на руку самой Тени — Злу...

Покоряет героиню заслуженной артистки РСФСР В. Карповой. Ее Аннунциата привлекает непосредственностью, убеждает правдой характера. Может быть, только стоило бы пожелать ей большей страстности в борьбе за Добро — за жизнь Ученого. Ведь образ ее должен убеждать меня еще в одном важном обстоятельстве: если есть хоть одна человеческая душа, способная во имя Добра на все — оно неодолимо.

Главный режиссер. Итак, насколько я понял, спектакль вам в целом понравился?

Корреспондент. Безусловно. А теперь подведем итог нашему диалогу...

Главный режиссер. А мне думается, итог мы уже подвели. Из нашего диалога я понял, что главная идея спектакля дошла, так сказать, по адресу. Да, театр хотел утвердить, донести до зрителя важнейшую философскую истину века. Добро — изначально и неодолимо. Но — Добро сражающееся, Добро, которому равно чужды и успокоенность, и равнодушие, и умиротворенность. Добро нельзя обезглавить. Так же, как никаким насилием над историей немилосердно разрушить диалектику вещей, закономерность развития общества.

На снимках: сцены из спектакля.

ЗВЕЗДА
Г. ПЕРМЬ

13 ИЮН 1972